

Дождь утих незаметно. Луна вновь скользнула из-за туч, устремив холодный, но милосердный взор на умытую, очистившуюся землю.

Ми Юньцзинь пристально взгляделся в лицо У Ваньи. Убедившись, что в глазах того действительно не осталось и следа воли к жизни, он тихо произнёс:

— Раз уж так, окажи мне услугу.

— С какой стати? — безучастно спросил У Ваньи. Его взгляд оставался тусклым и безжизненным.

— Всё равно ведь умираешь, — ответил Ми Юньцзинь. Слова прозвучали ласково, но безжалостно.

У Ваньи медленно повернул голову, глядя прямо в золотые глаза напротив.

— Что за услуга?

Ми Юньцзинь опустился перед ним на корточки. Его тонкие, бледные пальцы коснулись губ У Ваньи, скользнули к подбородку, очертили кадык, опустились на грудь и ниже — к животу, очертания которого угадывались под мокрой насквозь тканью.

— Одолжи мне своё тело.

У Ваньи даже не шелохнулся. Он молча созерцал прекрасное лицо Ми Юньцзиня и спустя мгновение глухо выдохнул:

— Хорошо.

Он не стал ничего расспрашивать — да и не хотел. Ему было плевать, даже если этот странный гость решит сожрать его заживо. Всё равно. Он слишком устал.

Словно лишённая души кукла, У Ваньи безучастно сидел на сырой земле.

— Тогда води меня к себе домой, — хрустальным ручейком прожурчал у самого уха тихий голос.

У Ваньи вздрогнул и вновь уставился на это неопишимо красивое лицо.

В безмолвии ночи больше не прозвучало ни слова.

Рано утром следующего дня, собирая туристическую группу перед выходом, девушка-гид невольно бросила взгляд на излюбленный столик у окна в ресторане.

Служащий отеля, знавший её чуткий нрав, негромко подсказал:

— Господин У съехал ещё до рассвета.

«Опять уехал?» — растерянно подумала она, но тут же смущённо улыбнулась и почесала затылок. Наверное, ему совсем нездоровилось. Хотелось верить, что дома он сможет как следует отдохнуть.

У Ваньи жил в небольшом уединённом коттедже. Дом был старым, купленным со вторых рук, и его хозяин явно не утруждал себя заботами о хозяйстве — от всего здания веяло заброшенностью и унынием.

Трава во дворе разрослась неровными клоками, а засохшие цветы давно сгнили в неухоженных клумбах. Стоило распахнуть входную дверь, как хлынувший внутрь яркий свет обнажил толстый слой пыли, покрывавший пол, обеденный стол и тусклый буфет. В заброшенных углах серебрилась паутина. Это место совсем не походило на жильё — по крайней мере, на уютный человеческий дом.

У Ваньи, даже не глянув по сторонам, поднялся на второй этаж. Ему действительно было наплевать на обстановку вокруг; всё, в чём он нуждался, — это глухой, спокойный угол, где его никто бы не тревожил.

Второй этаж мало чем отличался от первого. Длинный коридор устилал плотный ковёр, давно растерявший былые краски под слоем вековой неубранной пыли. Двери гостевых спален и кабинета были наглухо заперты. В замочных скважинах всё ещё торчали латунные ключи, оставленные прежними хозяевами, — из-за долгого забвения они покрылись сизым налётом.

Лишь в самом конце коридора, за дверью последней комнаты, обнаружились признаки жизни. Простой деревянный стол, стул с наброшенной на спинку курткой, брошенная у постели обувь. Сквозь щели прикрытых ставнями пробивалось яркое, ласковое солнце, согревая мягкую постель.

День выдался на редкость погожим: солнце ласкало, но не обжигало, а ветерок веял весенней прохладой.

Безупречно белая, изящная рука распахнула створки окна. В комнату ворвался свежий воздух,

зашуршав листвою за окном. У Ваньки оглянулся на своего спутника, но промолчал. Взяв чистые вещи, он ушёл в ванную.

Ми Юньцзинь остался у окна, созерцая пышную зелень деревьев и запущенный задний двор. Он едва заметно повёл пальцами — и прямо из влажной, чёрной земли одна за другой начали пробиваться пустынные розы. Их бутоны, умытые утренней росой, пламенели яркими красками.

Заброшенный дом стоял поодаль от городской суеты, и воздух здесь был чистым, напоённым ароматами природы. Весна ещё не уступила свои права: в сад вернулись белые и лимонные бабочки, закружившись над молодой листвою, а откуда-то из зарослей прилетели сонные шмели, лениво опустившись на раскрывшиеся венчики.

Солнечные лучи дрожали на траве причудливыми бликами, но ярче всего они золотили распускившиеся цветы, щедро заливая их теплом.

Ми Юньцзинь полюбовался садом, а затем взял ту самую увядающую пустынную розу, которую У Ваньки принёс с собой из похода. Склонившись над ней, он едва уловимо вдохнул её блёклый аромат. В ту же секунду засыхающий стебель налился соком, и цветок гордо распахнул навстречу солнцу свои ярко-алые лепестки.

Удовлетворённо улыбнувшись, гость окинул комнату взглядом и подошёл к прикроватной тумбочке.

В верхнем ящике лежала покрытая серой пылью пачка сертралина — хозяин явно забросил антидепрессанты очень давно. В нижнем обнаружили упаковки тегафура, панкреатина и сульфата морфина... За исключением нескольких контурных упаковок с анальгетиками, к этим тяжёлым препаратам почти никто не прикасался.

Ми Юньцзинь безразлично скользнул взглядом по лекарствам, достал пустой стеклянный флакон из-под снотворного и слегка встряхнул его — внутри чудесным образом послышался плеск чистой воды. Он опустил крошечную розу в узкое горлышко и бережно расправил венчик. Яркие лепестки тут же укрыли края импровизированной вазочки.

Этот скромный сосуд занял своё место на тумбочке, и унылая, серая комната мгновенно преобразилась, согрета живым теплом.

Выйдя из ванной, У Ваньки сразу заметил перемену. Даже это крошечное яркое пятнышко показалось ему невыносимо едким, раздражающим глаза. Он застыл на пороге, неотрывно глядя на белый флакон и пламенеющий бутон.

Влажные волосы зашевелил ветерок, ворвавшийся в раскрытое окно. У Ваньки повернул голову и замер: за стеклом, под густой зеленью деревьев, раскинулся безумный ковёр красок. Белые, алые, розовые цветы пышно распускались в танце бабочек и пчёл. На заброшенный двор

хлынула вся палитра долгожданной весны.

У Ваньки хотел сделать шаг, но затекшие ноги не слушались. Разумеется, разум словно отделился от тела, превратившегося в безжизненное изваяние. Лишь спустя минуту он с трудом повернул голову к стоявшему в комнате чужаку и глухо спросил:

— Что ты делаешь?

Оцепенение спало. Он рванулся вперёд и яростным, резким движением смахнул флакон на пол.

— Что ты, чёрт возьми, творишь?! — прорычал он.

— Тебе не нравится? — Ми Юньцзинь спокойно опустил взгляд.

Его изящные пальцы вновь подобрали цветок. В его неторопливом, мягком голосе сквозило абсолютное, безмятежное равнодушие.

— Нет, — У Ваньки отвернулся, в его воспалённых глазах заплясали опасные огоньки. Мелкие царапины на его лице, распаренные горячей водой, припухли, придавая ему измождённый, болезненный вид.

Он вплотную подошёл к Ми Юньцзиню и, впившись взглядом в его лицо, процедил:

— Мне плевать, какие цели ты преследуешь и чего добиваешься. Но не смей лезть ко мне. И не смей делать ничего лишнего.

На фоне буйства весенних красок глаза У Ваньки казались чёрными провалами, не способными отразить ни единого луча. Он ожесточённо, с глухой яростью отвергал любую яркость, словно защищая своё право на мрак. Ему не нужны были ни это солнце, ни эти дурацкие перемены в его привычном склепе.

Ми Юньцзинь молча водрузил флакон обратно на тумбочку и мягко произнёс:

— Ты просто очень устал.

У Ваньки действительно выглядел скверно: бледный как полотно, с бескровными губами, он едва держался на ногах, явно преодолевая тупую, изнуряющую боль в пояснице. Проигнорировав замечание, он оттолкнул гостя, вытащил из тумбочки блистер и выдавил две таблетки анальгетика.

[Хозяин, вам нельзя...]

Прежде чем 7008 успел закончить предупреждение, У Ваньи согнулся пополам. Его вывернуло наизнанку. Измученный голодом желудок спазмировало от боли — он попросту не мог принять лекарство.

Он давно смирился с тем, что обречён. С каждым днём тело будет сдавать всё сильнее, превращая существование в непрерывную пытку. К этой непрекращающейся боли он почти привык. Но воспоминание о вчерашнем утре, когда он проснулся без этого вечного ада внутри, заставило его пальцы судорожно сжаться в кулаки.

Именно это — его настоящая реальность. Покой лишь усугубляет последующие страдания. Не познай он мимолётного облегчения, сейчас привычные муки не казались бы столь невыносимыми и горькими.

Стиснув простыни до белизны в костяшках, У Ваньи уставился в пустоту мертвенным взглядом. В тишине раздался едва слышный вздох. У Ваньи безучастно утёр рот и с трудом поднялся на ноги.

— Не смей меня жалеть, — бросил он сквозь зубы.

Не оборачиваясь, он медленно выпрямил спину.

В восемь часов вечера У Ваньи, накинув куртку, вышел на улицу. Он даже не взглянул в сторону гостиной, где сидел Ми Юньцзинь. Присутствие лишнего человека в доме его не трогало — по крайней мере, он упорно пытался в это верить.

Ну и пусть он привёл этого чужака к себе и согласился выполнить его просьбу. Заберёт ли тот его тело прямо сейчас или сожрёт целиком — какая разница? На его распорядок это никак не влияло. Смерть была лишь вопросом времени.

Под безмолвным взглядом гостя У Ваньи пересёк залитую мягким светом гостиную и шагнул за порог — туда, где клубилась густая ночная тьма. Его силуэт быстро растворился в сумерках. Только когда шаги окончательно стихли, Ми Юньцзинь отвёл глаза от двери и посмотрел на бледный диск луны, пробивающийся сквозь облака.

У Ваньи шёл сам не зная куда. Пусть на календаре были будни, ночной город жил своей привычной суетной жизнью, маня прохожих неоновым блеском баров и ресторанов.

Шумные заведения его не прельщали. Он безучастно брёл вдоль оживлённых проспектов, проходя сквозь толпы таких же усталых, замученных рутиной людей. Возле подземного

перехода он заметил нищего. Тот, закрыв глаза, самозабвенно пикировал на эрху. У Ваньки молча вытащил из кармана купюру, бросил в помятую коробку и зашагал дальше. Тоскливые стоны струн ещё долго преследовали его, пока окончательно не захлебнулись в рокоте проезжающих машин.

Время потеряло счёт. Наконец он остановился посреди огромного моста, перекинутого через залив. Солёный ветер хлестал в лицо, а далеко внизу раскинулась бездонная чернильная гладь. До поездки в пустыню У Ваньки всерьёз думал свести здесь счёт с жизнью. Он приходил сюда раз за разом, но каждый раз нерешительность и глухая обида заставляли его отступать от перил. Раз уж у него не было выбора при жизни, он не хотел, чтобы даже его смерть определялась слепыми обстоятельствами.

У Ваньки прикрыл ладонью огонёк зажигалки и глубоко затянулся. Горький, едкий дым обжёг лёгкие, вызвав приступ удушливого кашля.

В этот момент за его спиной бесшумно притормозил автомобиль. Обернувшись, он увидел полицейского, вышедшего из патрульной машины.

— Ночью находиться на мосту запрещено, — ровным тоном предупредил страж порядка.

У Ваньки узнал его. Сколько раз он стоял на этом самом месте, столько раз этот патрульный вырастал у него за спиной.

— Понял, — бесстрастно отозвался У Ваньки и неторопливо пошёл прочь.

Патрульная машина двинулась с места лишь после того, как его силуэт окончательно растворился в темноте за пределами моста.

Домой У Ваньки вернулся глубокой ночью. Заметив сияющие окна коттеджа, он невольно замедлил шаг. Потребовалось несколько секунд, чтобы осознать простую вещь: он здесь больше не один.

Опустив взгляд, он прошёл в прихожую, привычно стараясь ни на чём не заострять внимания.

— Выпьешь чаю? — внезапно предложил Ми Юньцзинь из глубины гостиной.

У Ваньки даже не замедлил шаг, упрямо направляясь к лестнице.

— Снова хмуришься? — донёсся вслед его мягкий голос. — Я ведь впервые оказался в мире людей. Расскажешь, что там, снаружи? Мне ужасно любопытно... Неужели этот мир совсем не

интересен?

У Ваньи замер на первой ступеньке. Он медленно обернулся, уставившись на гостя потухшим взглядом.

«Интересен?»

Этот парень действительно спрашивал его об этом? Какая нелепость. Нашёл у кого интересоваться красками жизни. У Ваньи ощутил, как внутри закипает раздражение. Издевается он над ним, что ли?

В полумраке заброшенной гостиной Ми Юньцзинь казался единственным живым существом. Он сидел в кресле, и алые цветы у него на шее пылали ярким, вызывающим огнём, разгоняя застоявшуюся серую тоску этого дома.

Подперев ладонью подбородок, он лукаво сощурился:

— Присаживайся. Чай отличный.

Поглощённый этим ярким зрелищем, У Ваньи сделал было шаг к столу, но тут же опомнился. Поняв, что поддался секундному порыву, он резко остановился и сжал губы. Злость вспыхнула с новой силой.

Ми Юньцзинь тихо рассмеялся. Его золотые глаза вспыхнули ласковыми, дразнящими искрами, словно залитая солнцем озёрная гладь.

«Точно издевается», — окончательно уверился У Ваньи.

— Пей сам, — угрюмо бросил он и пошёл к себе.

Сзади долетел тихий вздох, перешедший в короткий смешок. У Ваньи на секунду замер на ступенях, а затем быстро поднялся в комнату и с грохотом захлопнул дверь.

У Ваньи надеялся, что у его незваного гостя хватит ума держаться на расстоянии. После столь ясного предупреждения разумнее всего было бы вообще не замечать друг друга — в конце концов, они оставались абсолютно чужими людьми.

Однако Ми Юньцзинь вёл себя так, словно ничего не произошло. Его изящный силуэт то и дело мелькал перед глазами.

Он обустроился в доме как у себя: не торопясь заваривал чай, ухаживал за розами или часами грелся на солнышке во дворе.

Он и сам напоминал нежащийся на ветру цветок — такой же безмятежный, праздный и далёкий от мирских забот. И эта его невыносимая лёгкость вызывала у У Ваньги глухое, злое раздражение.

У Ваньги искренне не понимал, откуда в этом существе столько покоя. В чужом, мрачном доме Ми Юньцзинь чувствовал себя превосходно, и эта безмятежность превращала все попытки У Ваньги отгородиться в какую-то нелепость. Чем свободнее держался гость, тем отчётливее хозяин ощущал себя злобным шутом, забившимся под лавку.

У Ваньги просто не мог выносить это буйство жизни под своей крышей. Но кошмар продолжался изо дня в день.

В конце концов он решил упрямо игнорировать чужака. «Пусть делает что хочет, моя жизнь останется прежней», — твердил он себе. У Ваньги вцепился в своё унылое, серое существование, как безумец в край обрыва, отказываясь менять хоть что-то в своём запylённом склепе.

Чтобы лишний раз не пересекаться с постояльцем, он уходил на рассвете и возвращался за полночь, а то и вовсе сутками не высовывал носа из спальни. Он не понимал, что сама эта отчаянная попытка побега уже разрушила его привычный уклад. А может, просто не хотел признавать очевидного.

Но чем сильнее он бегал от гостя, тем навязчивее становилось его присутствие. Стоило спуститься на первый этаж — и Ми Юньцзинь непременно оказывался поблизости. В какой бы глухой час У Ваньги ни возвращался, в окнах коттеджа всегда горел мягкий, приветливый свет. Словно дома его кто-то ждал.

Это сводило с ума. Попытки абстрагироваться провалились: У Ваньги чувствовал себя беззащитным перед этим тихим, но настойчивым вторжением.

— Полюбуйтесь луной? — негромко спросил Ми Юньцзинь, когда У Ваньги в очередной раз переступил порог.

Тут же прибавил шагу, делая вид, что оглох.

— Вечер чудесный. Ходил на прогулку?

У Ваньги сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Ни звука в ответ.

— Нашёл на улицах что-нибудь красивое? Встретил кого-нибудь? Поделишься со мной?

У Ваньи резко развернулся:

— Ты всегда такой болтливый?!

Ми Юньцзинь, сидевший на открытой веранде в серебристом сиянии луны, лишь безмятежно улыбнулся:

— Так что насчёт луны?

У Ваньи зажмурился, шумно выдохнул и отрезал:

— Нет!

Он почти бегом поднялся по лестнице, нарочито громко топая от злости. Ми Юньцзинь проводил его долгим взглядом и, когда хлопнула дверь спальни, тихо, едва слышно рассмеялся.

Заперевшись в комнате, У Ваньи без сил прислонился к двери. В тишине дома всё казалось прежним, но глубоко внутри уже зародилась едва заметная трещина. Поколебавшись, он подошёл к окну и осторожно выглянул во двор.

Ми Юньцзинь по-прежнему сидел на веранде, закинув голову и созерцая ночное небо. В холодном лунном свете его безупречные черты казались выточенными из драгоценного нефрита. В этот миг трудно было понять: то ли холодное светило озаряло его лик, то ли сам этот юноша даровал сияние тусклой ночи.

Вдруг золотистые глаза скользнули вверх, устремившись прямо к тёмному окну второго этажа. Уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке.

У Ваньи испуганно отшатнулся и прижался спиной к стене, чувствуя, как бешено заколотилось сердце.

Лишь спустя пару минут он пришёл в себя и зло нахмурился.

«Какого чёрта я прячусь? Это мой дом».

Но сдвинуться с места он так и не смог. Пальцы мелко дрожали, а пульс стучал в ушах тяжёлым, неровным ритмом.

А внизу, укутанный серебром луны, Ми Юньцзинь продолжал смотреть на зашторенное окно, словно сквозь плотную ткань видел растерянного, запутавшегося в собственных чувствах человека.

Ночью сон не шёл. Когда У Ваньи наконец забылся тяжёлой полудремотой, ему явился Ми Юньцзинь.

Снилось, будто тот распахнул настежь окна спальни, впуская потоки утреннего солнца, и ласково, тепло улыбался. Окутанный ослепительным сиянием, гость казался неземным видением; лица его было не разглядеть, но от его фигуры исходило такое щедрое, укутывающее тепло, какого У Ваньи не испытывал годами.

Точно так же, как тогда в пустыне, этот прекрасный дух протягивал к нему ладонь. И точно так же У Ваньи метался между страхом и непреодолимым соблазном. Он потянулся навстречу, сиюсь поймать эти тонкие пальцы... но схватил лишь пустоту.

Проснувшись в холодном поту, он долго не мог понять, где явь, а где видение. Лишь взглянув на глухо задёрнутые шторы, за которыми царил вечный полумрак, он окончательно пришёл в себя. В груди разлилась щемящая, горькая пустота.

У Ваньи не стал размышлять над этим сном. Он просто сидел на постели и тупо смотрел на запертое окно.

В этот день он так и не спустился вниз.

7008 не знал, что предпринять. Тело У Ваньи угасало, ему жизненно необходима была пища, но все увещевания разбивались о глухую стену молчания. В конце концов маленький эльф бессильно опустился на пол, чувствуя себя так, словно это у него самого заканчивался запас жизненных сил.

Ближе к вечеру алые лучи заката скользнули сквозь узкую щель в занавесках, коснувшись его бледного лица. У Ваньи, до этого сидевший неподвижно, словно изваяние, вздрогнул и медленно повернул голову. Он поднялся и резко раздвинул шторы.

Пылающее закатное солнце хлынуло в комнату, ослепив его.

Зажмурившись от яркого света, он прикрыл лицо ладонью. В его пустых, тёмных глазах на миг отразились багровые отблески умирающего дня.

7008 приподнялся, глядя на полыхающий горизонт. Проводя этот день, система почувствовала странную, почти человеческую грусть, смешанную с внезапным облегчением — тяжёлый груз тревоги наконец спал.

Глядя на застывший профиль хозяина, маленький эльф гадал: испытывает ли У Ваньи то же самое?

Когда багряное солнце скрылось за горизонтом и последние сумерки поглотили облака, У Ваньи отвернулся от окна. Он привычным ровным шагом вышел из комнаты и спустился вниз. Ми Юньцзинь проводил его долгим, внимательным взглядом, но У Ваньи даже не повернул головы, уходя в прохладу опускающейся ночи.

Снова бессмысленная ходьба, больше похожая на отработку обязательного ритуала. Город шумел вокруг, но У Ваньи оставался слеп и глух к его суете.

Когда-то давно психотерапевт советовал ему выходить на улицу в моменты, когда разум терял связь с телом или когда петля депрессии затягивалась слишком туго. «Просто идите, — говорил врач. — Куда угодно, без цели и маршрута. Движение поможет переключить мозг, рассеять навязчивые мысли».

С тех пор блуждание по городу вошло у него в привычку. Стоило какому-то вопросу застрять в голове мёртвым грузом, как он бездумно шагал за порог. Это превратилось в навязчивый, механический ритуал.

О наставлениях доктора он не вспоминал уже очень давно. Перестав пить лекарства, У Ваньи лишь с холодным презрением наблюдал за угасанием собственного тела и бессмысленным движением мира вокруг.

Он не верил ни врачам, ни кому-либо ещё на этой планете. Те редкие визиты в клинику были лишь попыткой доказать самому себе, что все хваленые методы терапии — пустышка. Он хотел убедиться, что мир безнадежно паршив, помочь ему никто не в силах, а его болезнь — абсолютна и неизлечима.

Только так он получал право со спокойной совестью забиться в свой угол, отказаться от таблеток и тихо ждать конца. И явись перед ним само божество, У Ваньи лишь окинул бы его скептическим взглядом.

При этой мысли перед глазами невольно возник образ Ми Юньцзиня.

У Ваньи резко замер как вкопанный.

Кто же этот незванный гость? Очередная неразрешимая шарада или то самое божество, сошедшее со страниц древних легенд?

Он стоял посреди бушующего человеческого потока, а мимо проносились безликие силуэты, сливаясь в сплошной, тусклый шум.

<http://bllate.org/book/20309/2181430>